

ДЕД ВАСЯ

ИРИНА ЮРГЕЛЯЙТ
Родилась в Москве в 1971 году. Экономист-международник, окончила МГИМО. Между карьерой в Bank of America и семьей выбрала семью. Счастливая жена и мама четверых детей. Начала писать семейные

истории в 2019 году. Обучалась на пяти программах литературных курсов BAND. Участвовала в питчинге «Нан написать роман». Автор более тридцати рассказов и очерков, которые пока не опубликованы. Живет в Берлине.

Я помню его широкое добродушное лицо с голубыми глазами, хитро подмигивающими мне из-под густых бровей, неторопливые движения, большие натруженные руки с мясистыми пальцами, которыми он любовно перебирал струны старинной мандолины. Все говорили, что мой младший брат очень похож на деда, его даже прозвали дед Вася номер два. Но брат у меня симпатичный, а дед с лысиной-аэродромом, прямо хоть самолеты запускай. Что общего?

В памяти всплывают картинки, как кадры диафильма.

Мне лет шесть. Родители везут меня к бабе Мане и деду Васе. Типичная панельная девятиэтажка в Гольяново, мы выходим из лифта и поворачиваем налево. Отец нажимает на кнопку звонка. Звук такой резкий, что кажется, на всех этажах соседи пооткрывают двери. Бабушка с дедушкой радостно встречают меня. Посылка доставлена – примите и распишитесь! Пока баба Маня готовит на кухне обед, мы с дедом смотрим военные фильмы. После обеда я лезу под диван: там, среди пыли и паутины, по соседству с одинокой тапкой, грустным носком, смятым носовым платком или еще какой-нибудь очень нужной вещью лежит серая картонная коробка с сокровищем: в ней хранятся маленькие оловянные солдатики и крохотная пушечка, скорее всего, оставшиеся от моего отца

и его младшего брата. За отсутствием кукол, которых у бабушки с дедушкой все равно нет, я с удовольствием играю в этих солдатиков.

Щелчок, и слайд поменялся.

Баба Маня ругается на деда. Я не понимаю почему. В ответ дед молчит, опустив голову, как провинившийся школьник. Выпустив пар, баба Маня уходит на кухню, а дед, прикрыв за ней дверь, снимает с гвоздя мандолину. У кого-то над кроватью красуется ковер, у кого-то картина. А у деда висит мандолина цвета спелого абрикоса. Дед присаживается на край кровати, пальцами левой руки прижимает послушные струны и подмигивает мне:

- Ну что, споем нашу, пока бабка на кухне?

И мы затягиваем:

- Три танкиста, три веселых друга – экипаж машины боевой!

Провинившийся школьник убегает, радостно размахивая портфелем.

Дед любил эту песню и вообще все про танкистов: сам в молодости прошел войну минометчиком в танковой бригаде. Я прошу рассказать про войну, но дед отнекивается:

- Страшно было... Особенно когда самолеты летели и бомбы сбрасывали.

Но в целом дед был веселый. Даже про свое ранение рассказывал весело. Эту единственную историю он повторял много раз:

В двадцать лет Василия призвали в Красную армию. Из модника-красавчика, щеголявшего в новеньком костюме и с аккуратной стрижечкой, он переродился в бритоголового зеленого солдата, которого долгий поезд увозил на восток, в край, где цветет багульник.

Известие о начале войны с Германией долетело и до Забайкалья, где среди таежных лесов, бескрайних лугов, каменистых склонов проходила армейская служба. Два года провел Василий в этом суровом крае, маршируя на плацу или осваивая военную технику в лютый мороз, под проливными дождями и палящим солнцем. Думал ли он еще в начале лета 1941 года, что вместо приближающегося дембеля отправится на войну?

«Прошу принять меня в члены нашей великой Коммунистической партии большевиков, чтобы бить остервенелого врага коммунистом! Буду бить врага, не жалея своих сил, крови, а если понадобится, то и жизни!» – писал Василий в заявлении.

Изнывающих жаждой первого боя красноармейцев перебросили из Забайкалья на Западный фронт только в апреле 1942 года. И в самое пекло Ржевско-Вяземской операции. Затем остатки батальона перегруппировали и перекинули на Курскую дугу.

Сентябрь выдался сухим и теплым. Даже жарким от боев, как и все горячее лето 1943 года. Дни сбивались со счета. Сегодня живой – и слава богу! Перепаханная взрывами земля, сгоревшие деревни, выступающие призраками останки русских печей в вечернем тумане. Только ночной холод уверенно намекал о неизбежном наступлении осени.

Младший командир минометного батальона Василий Новиков как раз заряжал свое орудие, когда послышался противный свист, и что-то разорвалось совсем рядом, ударив в живот и отбросив его на пару метров. Кроваво-черная дыра на грязно-зеленой гимнастерке и что-то синее и блестящее, выпадающее из живота в принимающие руки.

Боли не было. Только удивление. Василий сам не помнил, как добежал до санчасти, держа в руках перемешанные с грязью и кровью внутренности, и рухнул, потеряв сознание.

Василий метался в бреду, то приходя в себя, то вновь уплывая в пылающий медикаментозный сон. Сознание возвращалось медленно, чередуя калейдоскоп картинок: свет, темнота, белый потолок больницы, грязный потолок поезда, ярчайшее солнце. Такого он еще никогда не видел.

Оно неистово светило в окно военного госпиталя, проникая в щель между занавесками. Под этим солнцем бывший минометчик учился заново ходить и жить.

Через полгода из Туркмении в Москву вернулся двадцатипятилетний инвалид.

Он увидел ее на своей улице. Черный снег еще лежал на обочине. Навстречу ему шло голубоглазое солнышко. Не такое обжигающее, как в Туркмении, а мягкое, теплое, родное. Уже без шапки. Русые волосы собраны в косу. Василий остановился и посмотрел ему вслед. Оно проплыло мимо, но через пару шагов остановилось в нерешительности, и обернулось. И, смутившись от его взгляда, поспешило дальше.

– Можно с вами познакомиться? – Василий догнал солнышко. Он чувствовал, как пересох рот, а слова стали застревать в горле. – Меня Василий зовут.

– Маша, – еле слышно ответило солнышко, взглянув на него, но тут же опустив глаза.

Они подали заявление и быстро расписались. Какое имеет значение, что ты инвалид, а она разнорабочая на овощебазе. Они были молоды!

– Машенька, победа! Ура!

– Ура! Победа! – радостно кричала она, прижимаясь к его плечу и придерживая рукой сильно выступающий живот.

– А давай, если родится дочка, назовем ее Победа?

– А если мальчик, то Слава?!

В июле 1945 года родился Славик, Вячеслав. Беленькое, голубоглазое солнышко.

Эти было тихое уютное счастье, которому даже тяжелый быт не ставил препятствий.

– Вась, а давай сходим в кино? Новый фильм вышел с Диной Дурбин. Я афишу видела.

– Давай, Машенька. А Славика с моими или с твоими оставим?

– Давай в этот раз с моими! Твои нам и так постоянно помогают. Пусть мама Дуся отдохнет.

Маша надела теплую вязаную шапочку на засыпающего малыша, закутала его в одеяло и перевязала ленточкой.

Она стояла в дверях, держа кулек с сыном на руках:

– Подъезжай сразу к кино в Хамовниках. А я у мамы посижу. Подойду к началу сеанса.

Этот день, 29 октября 1945 года, Василий запомнит на всю жизнь. Он стоял у кинотеатра и ждал.

Он был совершенно спокоен. Прохаживался по коричневым, давно облетевшим листьям, смотрел на голые деревья, дома с облупившейся краской, пасмурное хмурое небо, но внутри у него светило огромное теплое солнце.

Все хорошо, только жена задерживается. Может, Славик расплакался и ей пришлось покормить его перед уходом?

Фильм закончился. Двери открылись. Люди стали выходить из зала.

Василий пошел той дорогой, которой должна была прийти Маша. Еще издалека он увидел толпу людей. У трамвайных путей. Рядом с домом тещи. Он прибавил шаг. Потом побежал.

Женщины перешептывались:

– Молодая... Жалко-то как... Ребеночек маленький совсем... Что же будет-то?

Василий растолкал их локтями.

– Что случилось? Что произошло?

– Горе-то какое... Женщина с ребеночком под трамвай попали... Ох, горе... Увезли их... Только что.

Задышавшись, Василий метнулся к дому. Рванул дверь подъезда. Побежал вверх по ступенькам. Он жал что есть мочи на звонок. Колотил кулаками в дверь.

Дверь открыла запыхавшаяся теща:

– Вася, что случилось? – Она заглянула ему за спину. – А где Маша со Славиком?

– Мама, они не у вас?

– Нет. Что случилось, Вася? – повторила она, закутываясь в шерстяной платок.

Василий сел на пол, обхватил голову руками и тихо, захлебываясь накатившими слезами, заскулил.

Мария умерла. Славик в тяжелом состоянии попал в больницу. Маленькое измученное солнышко вернулось к маме в январе 1946 года.

«Мария... Маша... как она похожа! Лицо-солнышко, голубые глаза, русые волосы...» Василий смотрел на новенькую восемнадцатилетнюю работницу цеха.

– Простите, Мария, а что вы делаете на выходных?

– К родителям поеду, – резко ответила девушка.

– А можно я поеду с вами?

– Зачем? – Она с искренним недоумением посмотрела на начальника.

– Марусь, а чем тебе Василий не жених? – Отец вопросительно посмотрел на дочь. – Фронт-

вик, к тому же непьющий, начальник цеха... Пашка твой уже женился. Тю-тю... Я вот тоже старше твоей матери на восемь лет, и ничего! Возраст, Маруся, не главное. Человек был бы хороший. А Василий мужик дельный, за ним не пропадешь!

В марте сыграли свадьбу, а в январе 1947 года родился Славик, Вячеслав, мой будущий отец. Маленькое голубоглазое солнышко.

«Они вернулись», – обнимая жену, засыпал Василий.

* * *

Я нашла твою могилу. На ней действительно не было креста и надписи с твоим именем. Но твоя сестра, а потом ее дочь ухаживали за ней. Ты лежишь рядом со своей мамой, сестрой и внуком Алешей, таким же маленьким солнышком, как Славик. Твое имя, отмытое и высеченное в камне, вернулось из небытия. Бабушка Маня прожила очень долгую жизнь. За то короткое время, что им было отведено, Павел Андреевич изменил ее жизнь, вернул любовь, и она стала просто сумасшедшей прабабушкой, какой не была для внуков. Она ушла почти в девяносто. Ее уход снял последнее табу на память о тебе.

